

Анастасия Герасимова

ВЕНЗЕЛЬ ИМПЕРАТОРА

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2017

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р17-622-0868

Герасимова А. В.

Г371 Вензель императора. — М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2017. — 368 с.

Исторический роман Анастасии Герасимовой переносит читателя в XIX век. Два мальчика — Петр Никольский и Павел Вершинин — становятся свидетелями последних месяцев жизни Александра I в Таганроге, его загадочной болезни и таинственной смерти. Через 15 лет судьба приводит повзрослевших героев в Сибирь, где они знакомятся со старцем, как две капли воды похожим на покойного императора...

Автор книги представляет доводы как сторонников, так и противников тождества императора Александра Благословенного и сибирского старца Федора Кузьмича Томского, художественно обрабатывая исторический материал, но при этом не искажая исторических фактов.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2017
© Герасимова А., текст, 2017

ISBN 978-5-88017-575-8

Пролог

Сентябрь 1825 года
или несколькими годами ранее.

...День в Свято-Успенской Саровской пустыни склонился к вечеру. На горизонте, за могучим вековым лесом, догорает алый закат. Шепча Иисусову молитву, утомленные долгими послушаниями монахи тихо расходятся по своим кельям. То там, то здесь гаснет в окнах свет. Постепенно весь монастырь погружается в непродолжительный, но крепкий сон.

Не спит только батюшка Серафим. Непокойно сегодня старцу. Особенно усердно молится он перед иконой Божией Матери «Умиление». Окончив молитву, отец Серафим берет за веник и начинает мести деревянный пол убогой своей кельи. Затем выходит на крыльцо и всматривается в густой сумрак ночи, словно ожидая кого-то.

Проходит несколько минут, и до батюшки доносится отдаленный топот копыт. И вот уже к келье старца подъезжает на тройке незнакомец в офицерском мундире. Отец Серафим спешит навстречу и кланяется гостю в ноги:

— Здравствуй, великий государь!

Затем берет приезжего за руку и ведет в свою келью...

Часть первая

Трагедия в Таганроге

Глава первая

НЕЗНАКОМЕЦ

В Ростовском уезде Екатеринославской губернии, на берегу Азовского моря, лежит небольшой город Таганрог. Окруженный с трех сторон водой, славится он торговлей с иноземными купцами.

Круглый год, не считая пары месяцев осенней распутицы, кипит жизнь в таганрогской гавани. На рейде теснятся корабли. То и дело подходят груженные подводы; склады и пакгаузы набиваются товаром, а портовые трактиры — разноязычной публикой.

Здесь мало кто интересуется чем-либо, кроме «дела». И кажется, ничто на свете не может нарушить привычный ритм жизни Таганрога. Однако в конце 1825 года именно здесь произошло событие, надолго выбившее из колеи жителей этого провинциального городка и необычайно взволновавшее всю Россию...

В тот год таганрогская осень, обычно дождливая и обильная туманами, выдалась теплой и сухой. В середине сентября солнце грело еще совсем по-летнему, а море ласково и безмятежно плескалось у берега. В одно такое тихое сентябрьское утро на берегу моря, неподалеку от гавани,

под мерный шум прибоя, заглушаемый криками портовых грузчиков, играли два худеньких мальчика лет восьми-девяти. Один из них был чуть повыше, со светлыми кудрями и серо-голубыми, добрыми, не по годам серьезными глазами. Другой мальчик был темноволосым, с горящим взглядом живых черных глаз. Отроков можно было принять за самых обычных детей, если бы не одежда, выдававшая в них дворянское происхождение.

С большим воодушевлением они строили замок, неумолимо возводя из песка и камней крепостные стены и башни. А озорные волны то и дело набегали на их сооружение, подмывая его то там, то здесь. Юные строители и сами уже промокли до нитки, но, увлекшись игрой, совсем этого не замечали. Старался не замечать этого и коренастый мужичок лет тридцати пяти. Расположившись неподалеку от ребят прямо на песке, он более всех радовался теплому солнышку и, хотя был приставлен к молодым господам «для присмотра», позволил себе даже задремать.

Но вот крепость достроена, и началась баталия между русскими и французскими воинами, которых изображали короткие и длинные палочки, заранее запасенные мальчиками в огромном количестве. Победа, как и следовало ожидать, оказалась на стороне русских, и их главнокомандующий — темноволосый мальчик — схватил самую короткую палочку, подбежал к морю и со всей силой швырнул ее в волны.

— Плыви же теперь на Святую Елену! — прокричал он. — Наш государь выгнал тебя из России и захватил твой Париж!

— Долго же ему придется теперь плыть, — заметил голубоглазый мальчик, всматриваясь в синюю даль. — А как ты думаешь, Петя, — повернулся он к другу, — государь уже приехал?

— Не знаю, — пожал плечами Петя. — Все ждут его в церкви. Жаль, что нас туда не пустили. Пойдем домой, Павлик. Отец вернется, все расскажет.

— Вас можно поздравить с победой, господа? — раздался вдруг чей-то голос за спиной у ребят.

Мальчики обернулись и от удивления замерли на месте. В метре от них, рядом с песочным замком, стоял незнакомый высокий господин лет пятидесяти. Прогуливаясь по набережной, он давно приметил ребят и с интересом наблюдал за их игрой, а теперь решил подойти поближе. Был он в сюртуке и в руках держал лакированную фуражку. Лицо его ребятам было трудно рассмотреть: оно казалось темным, как на старинных иконах, поскольку солнечный диск оказался как раз позади головы, образовав ослепительный нимб. Мальчики во все глаза рассматривали удивительного незнакомца.

— Так что же, господа, победа одержана? — с улыбкой повторил он свой вопрос.

— Так точно! — по-военному отрапортовал темноволосый мальчуган, первым придя в себя. — Разрешите представиться! Петр Никольский! А это мой друг и брат Павел Вершинин!

Оба мальчика поклонились.

— Рад знакомству, — тепло произнес господин.

Он сделал пару шагов вперед, чтобы пожать руки мальчуганам. Солнце скрылось за его широкими плечами, ослепительный нимб исчез,

и ребята наконец могли разглядеть лицо собеседника. У господина были весьма характерные черты лица: прямой высокий лоб, довольно короткий нос, сильный, выступающий вперед подбородок и удивительные небесно-голубые глаза, в которых затаилась грусть.

— Я уже четверть часа наблюдаю за вашей батальей, — продолжал он после того, как мальчики, вытерев испачканные руки об штаны, немного конфузясь, ответили на рукопожатие. — Осмелюсь заметить, вы допустили большую ошибку.

— Какую же? — удивились ребята.

— Вы, Петр, сказали, что император освободил Россию от Наполеона, ведь это его вы отправили на остров Святой Елены, если не ошибаюсь?

Мальчик утвердительно кивнул головой.

— Однако вы забыли про Кутузова, — продолжал незнакомец. — Только благодаря его мудрой тактике французы так бесславно покинули пределы нашего Отечества, что и предредило их участь. Первенство славы, несомненно, принадлежит Михаилу Илларионовичу, а не государю, который был бы бессилён без своего фельдмаршала.

От обиды за царя у мальчиков даже перехватило дыхание. Как смеет этот господин так говорить об их императоре, на рассказах о котором они воспитывались отцом!

— Милостивый сударь! — холодно начал Петя. — Вы, вероятно, плохо знаете нашего бесстрашного и мудрого государя, иначе бы не посмели так о нем говорить!

— Откуда же вы, юные господа, так хорошо его знаете? — голубые глаза незнакомца улыбались.

— Наши родители имели честь служить императору в те славные дни. Они дошли с государем до самого Парижа и своими глазами видели, как был низвержен Наполеон. А Кутузова в Париже не было, это нам точно известно!

— Вы правы. Он не дожил до этого события всего несколько месяцев, — согласился незнакомец. — Между тем весьма отрадно видеть в наше время столь горячую любовь к государю, — на его глазах появились слезы.

— Вы, наверное, недавно прибыли в наш город, — вступил в разговор Павлик, — и еще не знаете, как у нас здесь все любят и почитают его величество, с каким нетерпением ждут его приезда.

— Да, я здесь совсем недавно. А кто ваши родители, позвольте узнать?

— Мой отец — казачий полковник Андрей Петрович Никольский, герой Отечественной войны 1812 года! — ответил Петя.

— А мой — казачий полковник Николай Павлович Вершинин, — вторил ему Павлик. — Только он умер четыре года назад, — мальчик печально вздохнул.

— Умер?! — воскликнул с горечью незнакомец. — Мне так жаль! Это был прекрасный человек, как и ваш отец, Петр. И я бесконечно рад, что встретил здесь сегодня столь же достойных их сыновей!

— Сударь, так вы знали наших родителей? — изумились мальчики.

В это время мужичок, спавший неподалеку на песке, сладко потянулся и открыл глаза. Увидев незнакомого господина, он тут же вскочил и начал раскланиваться, прося прощения за свою вольность.

— Да-да, я когда-то знал их, — рассеянно произнес незнакомец. — Что ж, господа, не смею вас больше задерживать, — господин надел фуражку, поклонился мальчикам и зашагал прочь.

— А ведь у него прекрасная военная выправка, — заметил Павлик, глядя вслед незнакомцу.

— Милостивые судари, что же вы не разбудили верного Гаврилу, — причитал горе-надсмотрщик. — Время-то, время как быстро пролетело! Батюшки, так вы мокрые с головы до ног! Ну и задаст мне ваша матушка Марья Алексеевна!

* * *

Петя, Павлик и Гаврила шли домой не спеша. Мальчики были уверены, что встреча государя растянется на несколько часов, а они тем временем успеют привести себя в порядок, не вызвав нареканий со стороны матушки.

— И вот, — продолжал Гаврила, — государь потому и едет к нам, чтобы сделать Таганрог новой столицей. М-да!

— Да что ты такое говоришь? — изумились мальчики. — Разве такое возможно?

— А почему бы и нет? — воскликнул Гаврила. — Чем мы хуже Петербурга? Петербург кто построил? Царь Петр. А Таганрог? Тоже царь Петр. Да к тому же и раньше Петербурга на целых пять лет! А улицы у нас в Таганроге какие? Все сплошь прямые да ровные, словно солнечные лучики отходят от крепости, совсем как в северной столице.

— Да ты-то откуда знаешь?! — засмеялись ребята. — Ты ж в Петербурге никогда не бывал!

— Ну да, не бывал. Зато, — Гаврила важно поднял указательный палец, — много общался с умными людьми!

— Это с ямщиками в портовом трактире, что ли?

— Именно! А ямщики все люди умные да много повидавшие в жизни. Эх, была бы у меня вольная, непременно подался бы в ямщики!

— Да ты ведь и так кучер! — удивились ребята.

— Сравнили тоже! Ну, во-первых, барин сделал меня кучером только прошлой осенью. И потом, я ведь вожу господ только в церковь да изредка в поместье. А ямщики колесят по всей России-матушке, и Москву повидали, и Варшаву, и множество других городов, а уж Петербург знают как свои пять пальцев!

Для пущей убедительности Гаврила помахал перед глазами мальчиков правой рукой с растопыренными короткими толстыми пальцами. Речь кучера показалась ребятам убедительной, и притихший Петя спросил:

— Ну, и что именно говорят твои извозчики?

— А то и говорят, что в России по такому плану построены только Петербург и Таганрог!

— Но царь Петр сделал столицей все-таки Петербург, — заметил Павлик.

— М-да, сделал... Но, знаете что? — от внезапно поразившей его мысли Гаврила даже остановился. — Думаю, в этом и была его самая ужасная ошибка! Оттого и случилась после его смерти энта чехарда на престоле!

— А это тут при чем, Гаврила? — смеясь, спросил Петя.

— Да как же, господа?! Они ж то, государи эти, поумирали все раньше сроку, а все почему? Да потому, что климат там дрянной — сырой, промозглый, жуть! Чуть на улицу нос высунешь — тут же горячка, а то и чахотка разовьется. Это вам не шутки! То ли дело у нас! Эх, не было рядом

с царем Петром умного человека, который бы растолковал ему, в чем суть да дело! Стольких бед избежали бы! — с сожалением подытожил Гаврила.

— Ну, допустим... Но сейчас-то ты с чего взял, что Таганрог будет столицей?

— Как с чего? А приезд государя? А все эти приготовления? Сначала было секретное письмо градоначальнику, затем прислали курьера с уведомлением, что в Таганрог пожалуют государь и государыня, затем прибыл гоф-курьер и архитектор для выбора помещения, при этом для исправления оно было прислано аж двадцать пять тысяч рублей!

— Это тоже ямщики говорят?

— Нет, это я узнал от прислуги Дунаева¹. Градоначальнику ведь срочно пришлось освободить дом для государя, а он только-только туда заселился. Ну вот, дом-то весь отремонтировали, даже сад, и тот обустроили. Да и весь город привели в порядок. — Гаврила стал загибать пальцы: — Казармы, госпиталь, тюрьма, дом призрения бедных отремонтированы — это раз. Городской сад, спуски, полицейские будки приведены в порядок — это два, на Петровской и Греческой улицах новых фонарных столбов поставили — аж 40 штук! — это три. В общем, судя по всему, император приезжает к нам на долго. Так что думайте сами, в чем суть да дело!

— Что ж, возможно, но, если бы я был императором, я бы не стал переносить столицу, — заявил Петя.

¹ Александр Иванович Дунаев (даты жизни не известны) — пятый градоначальник Таганрога (1825–1832), действительный статский советник.

— Ну а что б ты делал на его месте? — поинтересовался Павлик.

— Я? Я бы делал все, что хотел! Хотел бы — воевал, хотел бы — проводил все время на балах или охоте. Никто тебе не указывает, все тебе повинуются! Вот это я понимаю — счастье, вот это — свобода!

— Неужто вы полагаете, что государь может делать все, что ему вздумается? — изумился Гаврила.

— А как же иначе?

— А долг перед Отечеством, перед Господом Богом? Государь же там, на небе, ответит за всю Россию-матушку! Он ведь несет такую же службу, как и любой солдат, только ответственности на нем много больше. О какой же свободе вы говорите? Да и что такое свобода? Всегда ли она нужна?

— А ты, Гаврила, разве не хочешь быть свободным? Ты же крепостной, — удивился Павлик.

— Хочу! — не возражал Гаврила. — Только... я хоть и крепостной, а, быть может, свободнее императора Александра буду! — хитро прищурился он.

Последнее заявление кучера совсем сбило ребят с толку.

— Гаврила, родненький! — взмолились они. — Перестань говорить загадками! Объясни, наконец, что ты имеешь в виду?

— Не понимаете? Ладно, слушайте! — снисходительно улыбнулся слуга и, оглянувшись по сторонам, продолжал: — Я вот тяжких грехов на душе не имею и от укоров совести свободен. Об императоре же слышал я, — Гаврила еще раз посмотрел вокруг и, хотя никого рядом не было, все равно понизил голос, — будто бы повинен он

в смерти батюшки своего, государя Павла Петровича... Будто бы убили его заговорщики, ударив табакеркою по голове, а среди злодеев этих был и нынешний царь!

— Не может этого быть! — хором воскликнули потрясенные мальчики.

— За что купил, за то и продаю, — пожал плечами Гаврила. — Только если бы это было правдой, то я царю не завидую — это же надо с таким камнем на сердце жить!

За разговорами друзья не заметили, как подошли к дому. Увидев перед крыльцом коляску родителей, Петя и Павлик поняли, что их расчет не оправдался. Вместе с тем им не терпелось узнать причину столь быстрого возвращения отца с матерью.

В мгновение ока мальчики взлетели по старинной каменной лестнице и вбежали в дом.

* * *

Андрей Петрович Никольский сидел в гостиной и курил трубку. Это был невысокий статный казак лет сорока с темными с проседью волосами и довольно правильными, хотя и немного резкими чертами лица. Но замечательнее всего был взгляд его черных глаз. В нем, как в зеркале, отражалась честная, благородная натура полковника, никогда не шедшего на компромисс со своей совестью, всегда готового пожертвовать жизнью ради своей веры, своего Отечества, своей семьи. Вместе с тем это был человек хоть и добрый, но довольно вспыльчивый и упрямый, редко признававший за другими право на собственное мнение. В городе его все любили и уважали.

Увидев отца, Петя и Павлик бросились к нему:

— Отец, вы уже дома? Государь не приехал? — посыпались вопросы.

— Почему же? Приехал, — улыбнулся Андрей Петрович. — Только мы его так и не увидели. Пока весь Таганрог ждал его величество в церкви, император, минуя храм, проследовал сразу во дворец. Прием перенесен на завтра.

— Вот оно как! — удивились ребята. — А что государыня?

— Она прибудет позднее. Вот ее-то мы и будем встречать по всем правилам, как полагается!

— Отец, а Гаврила говорит, будто государь хочет сделать Таганрог столицей вместо Петербурга, — сказал Петр.

— Что за вздор! — недовольно поморщился Андрей Петрович. — Государь с государыней проведут здесь только зиму, ибо так предписали ее величеству врачи. А этот бездельник Гаврила дождется, что я сошлю его на работы в поместье!

— Ах, Боже мой! — раздался позади них голос Марьи Алексеевны. — Петя, Павлик! Что за вид у вас! Опять к морю бегали? А ну, живо в свою комнату переодеваться! Гаврила! Где этот негодник? Сколько раз его предупреждала, что выпорю, если не доглядит за мальчиками! — и, подтолкнув ребят в направлении их комнаты, госпожа Никольская бросилась искать незадачливого надсмотрщика.

Гаврила же, своевременно спрятавшийся на конюшне, лишь посмеивался, слыша гневные крики хозяйки. Уж он-то хорошо знал, что вряд ли в Таганроге можно найти более сердобольную помещицу, чем Марья Алексеевна.

«А что кричит — так что ж тут такого? — размышлял он, забираясь на сеновал. — Пошумит

и забудет. А мне пока и вздремнуть не грех — совсем замаялся с юными господами!»

* * *

Тут, вероятно, нужно сделать отступление и пояснить, как случилось, что Павлик Вершинин живет в доме полковника Никольского.

Есаулы Андрей Никольский и Николай Вершинин, отец Павлика, в молодости служили в Петербурге в лейб-гвардии казачьем полку при государе Александре I. Впервые отличившись при Аустерлице, друзья прошли затем всю Отечественную, неизменно находясь на передовой линии.

Во время заграничной кампании их полк составлял императорский конвой, сопровождая его величество во всех походах и сражениях. Под Лейпцигом казаки спасли императора от пленения, за что весь полк был награжден Георгиевским штандартом и серебряными трубами.

В 1814 году за особые заслуги перед Отечеством и лично перед государем, преданность которому они подтверждали не раз, Никольский и Вершинин были произведены в войсковые старшины, затем в полковники и причислены таким образом к дворянскому сословию.

Однако под самым Парижем Никольский потерял левую руку и вынужден был выйти в отставку. После этого Андрей Петрович и Марья Алексеевна, имевшие южнорусские корни, переехали на жительство в Таганрог, близ которого полковнику было пожаловано крупное поместье. Здесь вскоре у них родился сын Петя.

Николай же Павлович после завершения заграничной кампании остался на службе в Петербурге, женился на молодой красавице — графине

Софье Михайловне Разумовской, но счастлив в браке был недолго. Горячо любимая супруга его умерла в родах.

Смерть жены потрясла полковника. Безутешный вдовец подал в отставку и всего себя посвятил воспитанию сына. Однако многочисленные боевые ранения не прошли бесследно: в 1821 году, когда маленькому Павлику не было и пяти лет, полковник Вершинин скончался.

Незадолго до смерти он послал письмо в Таганрог к лучшему другу с просьбой приехать повидаться. Андрей Петрович не мешкая отправился в столицу, но, увы, в живых Николая Павловича уже не застал. Павлика, оставшегося круглым сиротой, Никольский увез с собой в Таганрог и с тех пор воспитывал его вместе со своим родным сыном.

Мальчики росли дружно, и редко когда между родными братьями можно встретить то единодушие, какое было между ними. Они удивительным образом дополняли друг друга. Спокойный, рассудительный Павлик часто удерживал горячего, немного взбалмошного Петю от необдуманных поступков и опасных затей. В свою очередь, рядом с Петей, обладавшим незаурядной фантазией по части придумывания новых игр, Павлику некогда было грустить и вспоминать о прошлом.

* * *

Переодевшись, Петя и Павлик вышли к обеду. Однако в столовой их ждал неприятный сюрприз. Приехал Григорий Никандрович Полонский, двоюродный брат Марьи Алексеевны.

Григорий Никандрович происходил из донских казачьих дворян. Его род издавна славился мужеством и бесстрашием в бою, за что еще

в семнадцатом веке был наделен крупным родовым поместьем. Со временем предки Григория Никандровича, привыкнув к своему высокому положению, отошли от казачьей среды, все крепче рондьясь с русским дворянством и прирастая к русскому быту. К несчастью, отец Полонского пристрастился к картам, оброс долгами, и большую часть поместья пришлось продать за ничтожную цену.

Подросшему Григорию ничего не оставалось, как вспомнить о своих корнях. Он поступил на службу в Таганрогский казачий полк. Однако расположения к военному делу, как оказалось, совсем не имел, а потому решил заняться торговлей. В 1811 году он вступил в Общество донских торговых казаков. И, внося положенный взнос за освобождение от военной службы, благополучно занялся выращиванием арнаутки¹ на оставшемся от отца небольшом земельном участке, благо располагался он совсем близко к Таганрогу, через который можно было выгодно сбывать свою пшеницу. При этом Полонский страстно мечтал разбогатеть и вернуть себе высокое положение предков.

Нападение Наполеона застало казака врасплох: поля только-только зазеленели всходами. Но патриотические чувства и Григорию Никандровичу не были чужды: он оказался в рядах заступников Отечества, постаравшись, правда, попасть в наиболее привилегированные войска. Благо муж кузины, Андрей Петрович Никольский, служил в лейб-гвардии казачьем полку. Стараясь быть поближе к государю и подальше от передовых линий в сражениях,

¹ Арнаутка — сорт пшеницы с белым и твердым зерном.

есаул Полонский дошел до Парижа без единого ранения и без единой награды. Затем он вернулся к обычным делам и окончательно переселился в Таганрог, находя это для себя более удобным и выгодным.

Здесь он довольно долго еще ходил в холостяках. Гаврила шепотом рассказывал мальчикам о том, как в молодости Григорий Никандрович был безнадежно влюблен в свою кузину, сватался к ней, но получил отказ. Узнав же, что Марья Алексеевна помолвлена с есаулом Никольским, несчастный влюбленный вызвал того на дуэль, стрелял первым и промахнулся, а Андрей Петрович и вовсе отказался стрелять, чем нанес Полонскому тяжкое оскорбление, которое тот, по словам Гаврилы, запомнил на всю жизнь.

Лишь в Таганроге Григорий Никандрович нашел наконец свою судьбу. В тридцать четыре года он женился на дочери разорившегося польского дворянина Марине Новак, которая в 1817 году родила ему дочь Катю.

Петя и Павлик не любили невысокого, тщедушного Полонского за скрипучий заискивающий голос и вечно бегающий взгляд. Разговаривая, он широко улыбался собеседнику, но улыбка получалась фальшивой, и создавалось впечатление, что этого человека не волнует никто, кроме собственной персоны, а ваше расположение ему нужно для своей лишь выгоды.

Вот и сейчас он сидел за столом с Андреем Петровичем и Марьей Алексеевной и, растягивая губы в улыбке, о чем-то вкрадчиво просил двоюродного зятя.

— Милостивый Андрей Петрович! Уж не откажите мне в моей маленькой просьбе! Закажите завтра обо мне словечко перед государем!

Дела идут из рук вон плохо: большинство судов идут мимо нас в Одессу, там ведь нет пошлин! Да и жена моя полгода как умерла, — Григорий Никандрович прослезился, — а здесь, в этом городе, все напоминает о моей голубушке. Царствие ей Небесное! Катеньке тоже сменить обстановку не помешает — так тоскует по матери, бедняжка!

— Помилуйте, Григорий Никандрович! — Андрей Петрович развел руками. — Вы преувеличиваете мои возможности! Не понимаю, почему государь должен прислушаться ко мне! Вы б сами к нему сходили!

— Так я же был у государя на приеме, еще тогда, в восемнадцатом¹! — вскричал Полонский. — Но его величество изволили оставить мою просьбу без ответа. Вся надежда на вас, дорогой зять! Император всегда с большей теплотой относился к покойному Николаю Павловичу и к вам, нежели ко мне.

— Ну, право, Андрюша, что тебе стоит? — вмешалась в разговор Марья Алексеевна. — Попроси государя, может, найдется для Гриши место...

— Хоть в канцелярии, Андрей Петрович, я на все согласен, лишь бы в столицу перебраться!

Петя и Павлик чуть не прыгнули со смеху: казак — да в канцелярию! Андрей Петрович брезгливо поморщился.

— Ладно, Григорий Никандрович, пусть будет по-вашему! Но я ничего не обещаю.

— Да-да, конечно-с, я все понимаю, милостивый Андрей Петрович! Покорнейше благодарю! — он поднялся из-за стола. — Прошу прощения, мне пора! Сестрица, не провожай.

---

¹ Имеется в виду первое посещение императором Александром I Таганрога в 1818 г.